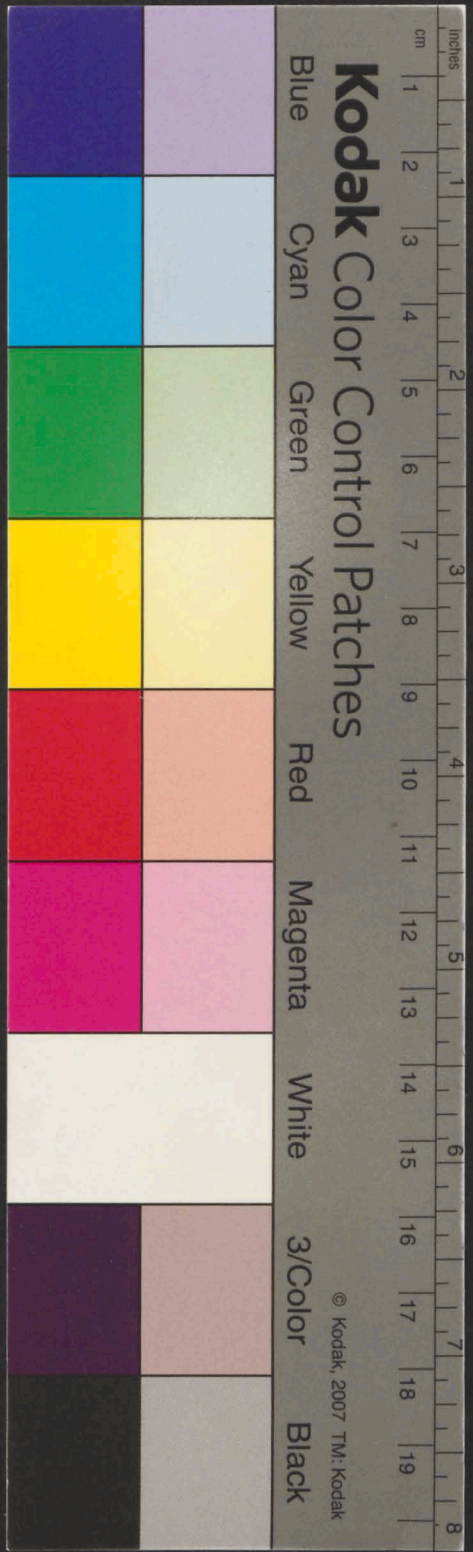
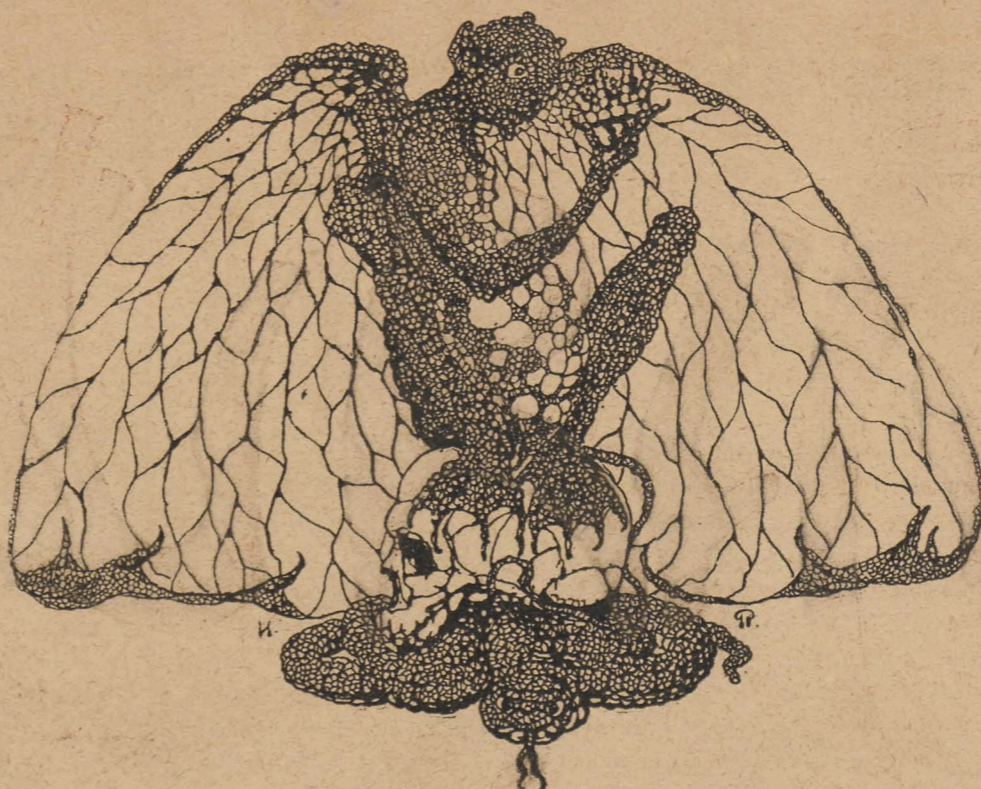

№ 3.

Цѣна 10 К.

Памяти 9-го января 1905 г.

Какъ дѣти шли они доврчиво въ тотъ день
И правду горькую замѣнъ мечей имѣли.
Кровавая на нихъ легла внезапно тѣнь
И въ тотъ же мигъ они прозрѣли.
Довѣрѣя дѣтскаго нѣтъ больше и слѣда!
И право жить людьми они хотятъ взять съ бою.
Великая теперь есть армія труда,
Вручившая свой жезлъ рабочему-герою.
Невѣдомыхъ борцовъ теперь уже не счесть.
Печать рѣшимости видна въ лицѣ усталомъ.
Они намъ принесли свободы нашей вѣсть
И обнесутъ ее нескружимымъ валомъ.
Что день, то больше жертвъ... могилы все растутъ...
Но близокъ ужъ конецъ борьбы съ врагомъ заклятымъ.
Народъ его зоветъ уже на правый судъ,
Чтобъ заклеить числомъ девятымъ.
Вамъ слава вѣчная, подвижники труда!
Народъ, преодолевъ всѣ грозныя невзгоды,
Девятымъ января помѣтитъ навсегда
Исходный пунктъ своей свободы!

Амма.

Мнѣ снился сонъ. Рабочіе толпами,
Съ хоругвями, съ иконами въ рукахъ,
Увѣренными, смѣлыми шагами
Шли ко дворцу, къ царю, съ молитвой на устахъ.
Ихъ жизнь была тяжка. Обиды, оскорбленья
И гнетъ нужды давилъ... и мракъ, и тѣма кругомъ...
И вотъ рѣшили всѣ просить о сожалѣннхъ.
И впереди пошелъ священникъ ихъ съ крестомъ.
И выдѣлъ къ нимъ ихъ царь. Онъ говорилъ съ народомъ.
Чѣмъ больше слушалъ онъ—тѣмъ все грознѣй смотрѣлъ...
«Довольно!»—наконецъ, сказалъ—«Конецъ невзгодамъ!
Получить много тотъ, кто больше всѣхъ терпѣлъ!»

* * *

Мнѣ снился сонъ. Но, вдругъ, картина измѣнилась.
Я услышала шумъ, стрѣльбу, проклятья, стонъ,
Нагакъ свистъ вокругъ... Я въ страхѣ пробудилась.
Да, это на яву!... а то былъ только сонъ!..

Вѣчная память погибшимъ борцамъ за свободу.
Вѣчная память убитымъ, и въ тюрьмахъ скончавшимъ
свой вѣкъ.
Отдали жизнь вы за счастье и благо народа,
Память о васъ не умретъ, пока живъ на землѣ человекъ.

А. Свободина.

ПАМЯТИ СТУДЕНТА ДАВЫДОВА *).

Холопъ, въ своемъ холопствѣ рьяный,
Не могъ свободный жестъ простить;
Патріотизмъ свой дикій пьяный
Онъ кровью долженъ былъ залить.
Не могъ понять холопъ презрѣнный,
Разя и смерть неся въ рукъ,
Что гимнъ душъ его священный
Звучалъ постыдно въ кабацкѣ.

На мотивы Некрасова...

Надежду Лондонъ намъ сулитъ,
Что, если дума соберется,
То эта мѣра, имъ сдается,
Подыметъ мигомъ нашъ кредитъ.
Внимая сладкой рѣчи той,
Смотрю я въ даль весьма печально
И вижу будущность порой
Скорѣй съ отгѣнкомъ погребальнымъ.
Кредитъ упавшій нашихъ дней
Имъ не поднять при всей ихъ силѣ,
Какъ не поднять... плакучей ивъ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей...

„Отрывокъ изъ драмы“.

Г. Вуичъ, въ костюмѣ рыбака, стоитъ на берегу Фонтанки и, про-
стирая руки къ зданію департамента полиціи, декламируетъ, захлебываясь
отъ восторга. Отъ Невы приближается группа рабочихъ.

Вуичъ:

—...Достигъ и я высокой власти.
Клянусь Нептуномъ, никогда
Я не былъ счастливъ такъ, какъ нынѣ!
Теперь въ моихъ рукахъ всѣ снасти:
Крючки, остроги, невода...
Я обращу моря въ пустыни,
Въ рѣкахъ порядокъ наведу.
Сиговъ, ершей-соціалистовъ
И пискарей-пропагандистовъ
Въ короткій срокъ я изведу,
И изловлю въ свою корзину
Всю безпокойную дружину.
Не увернется ни одинъ:
Я предприиму такую мѣру,
Что...

Одинъ изъ рабочихъ, подходя къ Вуичу и показывая ему кукишь,
перебиваетъ:

— А это видѣлъ, вражій сынъ?
Разъерехонился не въ мѣру...

Отъ неожиданности Вуичъ быстро пятится назадъ и падаетъ въ
Фонтанку.

Кремень.

*) Убитый Окуневымъ въ ресторанѣ «Медвѣдь».

ДОРОГА.

Тускло... Чуть брезжить свѣтъ...

Туманъ плыветъ, роняя чистыя слезы свои въ грязное, липкое мѣсиво дороги.

Широкая и безмолвная развернулась она, какъ огромный черный свитокъ, уходя въ безвѣстную даль, туда, гдѣ въ разорванныхъ тучахъ сверкаютъ и трепещутъ первые проблески холоднаго утра.

Безплодные черныя поля обступили со всѣхъ сторонъ дорогу, и напрасно терзаютъ ихъ желѣзомъ хмурые, молчаливые люди,—поля изжили свои радости материнства и медленно умираютъ... А хмурые люди, не замѣчая этого умиранія, тупо продолжаютъ дѣлать свое бесполезное, трудное дѣло. Изнуряя поля, они изнуряютъ себя, и истощивъ въ конецъ свои силы, покорно уходятъ умирать въ жалкія лачужки, черными грибами растущія тамъ и сямъ въ сторонѣ отъ большой дороги.

Только немногіе, только самые зоркіе и чуткіе изъ молчаливыхъ людей по временамъ останавливаются на поляхъ, среди работы, пораженные не то донесшимся издалика звукомъ, не то сверкнувшимъ вдали огнемъ. И бросивъ свою бесполезную, трудную работу, они тревожно вглядываются въ даль, ловя чуткимъ слухомъ первые признаки пробужденія на широкой, безмолвной дорогѣ.

Они вглядываются все пристальнѣе и разъ вглядѣвшись, уже не отрываютъ жадныхъ глазъ отъ чернаго свитка, развернутаго передъ ними. Они смотрятъ туда, гдѣ, какъ алчное, обжорливое чудовище, дышитъ чернымъ смрадомъ и щелкаетъ стальными челюстями огромный городъ.

Тамъ, въ жерлѣ бездушнаго чудовища, одѣтаго въ камень, чугуны и желѣзо, тамъ видны первые признаки жизни большой черной дороги. Тамъ—движеніе, гулъ, суета, тамъ—топотъ, свистъ и клики! Кто-то тамъ плачетъ, зоветъ и стонетъ, падая и снова подымаясь.

Вотъ на дорогѣ зашевелилось что-то черное, живое, что-то страшное и шумное, какъ туча саранчи. Это выходятъ изъ города люди, тѣсно смыкая ряды и дружно шагая по вязкой дорогѣ. Гулъ голосовъ и шумъ шаговъ ихъ сливаются въ смутный рокотъ дальняго грома. Все ближе и ближе... и нѣтъ конца потоку сомкнутыхъ рядовъ.

Выплакавъ всѣ свои слезы, туманъ поднялся вверхъ, и теперь ясно видна неровная, плотная колонна людей, идущихъ по дорогѣ. На ихъ лицахъ суровая торжественная рѣшимость, жизнь и смерть—въ ихъ гордыхъ глазахъ. Они поютъ и голоса ихъ звонкіе, какъ мѣдь, широко и полно раздаются въ утреннемъ воздухѣ.

Они проходятъ мимо полей, и тотчасъ же бросаютъ свою работу зоркіе, чуткіе люди и вступаютъ на дорогу, умножая собой силу потока.

Потокъ растетъ, и крѣпнущъ голоса, сливаясь въ побѣдномъ напѣвѣ вдохновеннаго гимна, тверже и увѣреннѣе двигаются впередъ безчисленные ряды колонны.

Вотъ она уже вся на пути и вьется черной, мохнатой змѣей по дорогѣ . . . . .

Но вслѣдъ за ней жерло чугуно-каменнаго вулкана выбрасываетъ новые ряды, ряды людей, одѣтыхъ въ сѣрое, вооруженныхъ сталью и огнемъ... Раскатъ ружейнаго залпа пронзаетъ воздухъ!

Дрогнула и потряслась съ перваго ряда до послѣдняго черная колонна, и поднимая падающихъ на пути, идетъ она дальше, унося съ собой раненыхъ и убитыхъ.

Только нѣсколько смѣльчаковъ отдѣлилось, чтобы вступить въ неравный бой съ людьми, вооруженными сталью и огнемъ. Еще задгнъ.. отстрѣливаясь, падаютъ смѣльчаки. Новый залпъ, еще и еще... Черное, липкое мѣсиво дороги побурѣло, смѣшавшись съ кровью, люди, одѣтые въ сѣрое, шагаютъ по трупамъ...

Колонна движется все такъ же впередъ, а изъ первыхъ рядовъ ея доносится побѣдный напѣвъ вдохновеннаго гимна свободѣ.

И тамъ, гдѣ подъ сѣрой одеждой людей, вооруженныхъ сталью и огнемъ, живое сердце бьется и плачетъ кровавыми слезами въ отвѣтъ на побѣдный, призывный напѣвъ, тамъ эти люди бросаютъ оружіе и идутъ вслѣдъ за колонной, какъ зачарованные.

Но сталь, сверкнувъ въ воздухѣ быстрымъ полукруглымъ размахомъ, настигаетъ ихъ, и окровавленная тѣла падаютъ на трупы съ тихимъ, отрывистымъ стономъ.

Сомкнувши тѣсные ряды, уходитъ дальше и дальше черная колонна, и, какъ вѣчно-зіяющая рана, движется за ней баррикада неостывшихъ еще труповъ и истекающихъ кровью тѣлъ, раздѣляя людей, поющихъ о свободѣ, отъ тѣхъ, что идутъ вслѣдъ за ними, неся съ собой смерть и поднимая надъ ихъ головами окровавленную сталь.

Въ безвѣстную даль уходитъ черная дорога. Заря встаетъ и раздвигаетъ темныя тучи. Яркая и смѣлая разливается она на горизонтѣ, а тучи—уже не сѣрыя. Одна за другой быстро несутся онѣ по блѣдному небу и кажутся огромными красными птицами съ вытянутыми шеями и распростертыми крыльями. И чудится, что готовы онѣ огласить воздухъ клеточкомъ такимъ же громкимъ и зловѣщимъ, какъ ихъ краски.

Заря встаетъ...

На бой кровавый, святой и правый! Впередъ!

Spiro.

Кучка злонамѣренныхъ людей терроризуетъ страну.

(Оф. сооб.).

П Ъ С Н Я

про Одурь-Кичливую, вѣрныхъ приспѣшниковъ и людей крестьянскихъ.

Охъ, ты гой еси, Одурь-Кичливая,
Про тебя наша пѣсня сложена,
Про твоихъ вѣрныхъ приспѣшниковъ,
Да про бѣдныхъ людей про крестьянскихъ.
Будемъ пѣсно мы пѣть по-старинному,
На старинный ладъ, по-былинному,
Будемъ пѣсно мы пѣть, да подыгрывать
На звонкихъ гусяхъ, на яровчатыхъ.

1.

То не солнце свѣтлое ходитъ по небу,
Не заря-краса разгорается,
То блеститъ, горитъ Одурь-Кичливая
Жемчугомъ, брилліантомъ разукрашена.
Да блеститъ-то она по особому,
По особому смыслу, дурацкому;
Не подобна ни солнцу тресвѣтлому,
Ни красавицѣ-зрюшкѣ утренней,
Ни тепла отъ нея нѣтъ, ни радости,
А блеститъ для себя, для своихъ утѣхъ—
Для людскихъ сердецъ вѣетъ холодомъ.
И живетъ та Одурь-Кичливая
Въ термахъ-палатахъ раззолоченыхъ,
Дорогія пьетъ вина заморскія,
Аksamитные носитъ кафтаны парчевые.
Стерегутъ ее вѣрны приспѣшники
Злые псы, кровопійцы народные.
День и ночь, съ золотыхъ цѣпей спущены,
На прохожихъ, проѣзжихъ бросаются.
Приучены тѣ псы псаремъ хитрымъ
Пропускать къ терему безпрепятственно
Тѣхъ людей, кто одѣтъ понаряднѣе,
А всѣхъ прочихъ давить, трепать до смерти.

Громче пѣсно пойте,
Звонче гусли стройте,
Поднесутъ намъ пива,
Угостятъ насъ брагой.

2.

Не зеленая ивушка къ землѣ клонится,
Не кудрявыя вѣтки разстилаются,

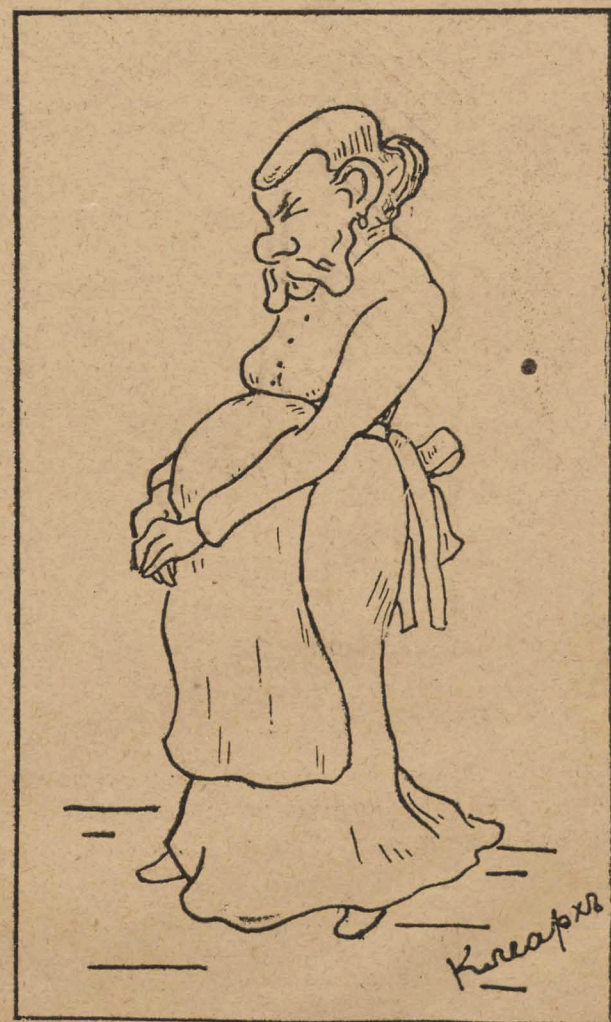
Спокланяются люди крестьянскіе
Предъ хоромами Кичливой-Одури.
Не нарядны кафтаны сермяжные,
На ногахъ лапти лыковы сбились,
Лица черны, отъ вѣтра зардѣлись,
Волоса въ бородахъ не расчесаны.
Съ дальнихъ мѣстъ къ терему собралися,
Подъ дождемъ, на морозѣ измаялися.
Всю дорогу шагами измѣрили,
Принесли свои нужды и горести.
Здѣсь живетъ ихъ заступница вѣрная,
На кого они силушку тратили,
Чтобъ добыть ей парчу, ясны яхонты,
Брилліанты и вина заморскія.

На колѣняхъ стоятъ; шапки сброшены;
Головами въ землю упираются;
Ждутъ, вотъ выйдетъ къ нимъ Одурь-Кичливая,
Поразспроситъ зачѣмъ они прибыли,
Какова ихъ нужда крестьянская,
Чѣмъ помочь можно горюзлосчастіицу.
И легко такъ въ душѣ ихъ становится;
Позабыты невзгоды дорожныя;
На глазахъ слезы радости искрятся,
Зогорається сердце любовію.
Вдругъ послышались возгласы громкіе.
Мужички, какъ одинъ, встрепенулися,
Еще ниже къ землѣ поклонилися,
Знать идетъ сама Одурь-Кичливая.

Тутъ и впрямъ ворота распахнулися,
Да, замѣсто Одури-Кичливой-то,
Налетѣли приспѣшники вѣрные,
Наученные псы кровожадные,
Увидали толпу крестьянскую.
Въ сермяжные кафтаны одѣтую.
Словно коршуны злые, голодные,
Повскакали на спины согнутыя,
Не дали мужичкамъ ни опомниться,
Ни привстать, ни взглянуть, ни размыслити
Расклевали ихъ головы буйныя,
Растрепали ихъ косточки по вѣтру.

А хоромы стоятъ и по-прежнему
Все блистаетъ въ нихъ Одурь-Кичливая,
И блистаетъ она по особому,
По особому смыслу дурацкому:
Ни тепла отъ нея нѣтъ, ни радости.

Огниво.

Они клеветуютъ; видитъ Богъ, я невинна!?

Судьба наших реформъ напоминаетъ исторію минувшей войны; только на войнѣ было «терпѣніе» безъ пулеметовъ, а у насъ— нетерпѣніе съ пулеметами.

*

Генераль-губернаторы нужны для военнаго положенія; военное положеніе, насаждая успокоеніе, устраняетъ дѣйствіе обыкновеннаго права: слѣдовательно, генераль-губернаторы насаждаютъ безправіе.

* * *

Одна изъ свободъ — неприкосновенность личности осуществляется теперь ношеніемъ пальто «гороховаго» цвѣта.

Политическое преступленіе является продуктомъ общественныхъ отношеній.

Каутскій.

Только не надо осаднаго положенія:—это средство управленія дураковъ.

Кавуръ,

Анархія и соперничество есть законъ смерти; сотрудничество и управленіе—законъ жизни.

Рѣскинь.

Въ судѣ.

Судья.—Подсудимый, вы обвиняетесь въ покушеніи на кражу изъ казеннаго цейхгауза, которая не удалась вамъ только благодаря бдительности сторожа... Что вы скажете въ свое оправданіе?

Подсудимый.—Да, такъ, Ваше скородіе, что по нонѣшнимъ временамъ такіе пустяки не мѣшаютъ людямъ даже министрами дѣлаться...

Пѣснь торжествующаго Дурново.

(На мотивъ изъ «Fledermaus» I. Штрауса).

Разъ кто задумалъ бастовать
Иль къ забастовкѣ призывать—
Арестовать, арестовать!

Кто сталъ союзы создавать
И о борьбѣ со мной болтать—
Арестовать, арестовать!

Кто станеть митинги съзывать
И прокламаціи бросать—
Арестовать, арестовать!

Иль Марсельезу распѣвать
И съ краснымъ знаменемъ гулять—
Арестовать, арестовать!

Кто станеть Витте порицать,
Статьи горячія писать—
Арестовать, арестовать!

Кто будетъ много разсуждать,
Дрянныя книжки издавать—
Арестовать, арестовать!

Жандармовъ станеть кто ругать,
Квартальнымъ взятокъ не давать—
Арестовать, арестовать!

Кто апельсины сталъ бросать
И о республикѣ кричать—
Того повѣсить! *)...

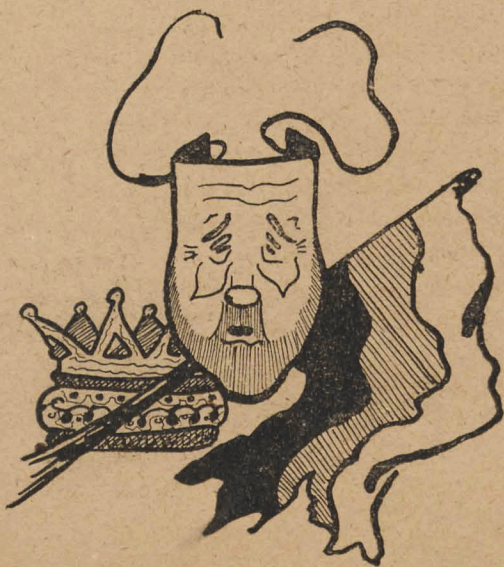
Solo.

Обезьянье сердце.

Американскіе врачи Гэтри и Керрель производятъ опыты замѣны большого человѣческаго сердца здоровымъ, взятымъ у живой обезьяны.

(Изъ газетной хроники).

Сердце бѣдное людское!
Если есть въ тебѣ изъяны,
То тебя замѣнятъ скоро
Сердцемъ жалкимъ обезьяны.
Всѣ твои порывы, скорби,—
Все, что душу волновало,—
Съ этимъ рабимъ глупымъ сердцемъ
Не затронетъ насъ нимало.
Воцарится съ нимъ забота
Въ насъ о хлѣбѣ лишь единомъ.
Станеть плотъ тогда всевластнымъ
И всеильнымъ господиномъ.
Бейся, сердце, неустанно,
До послѣдняго удара;
Раздувай все также искру
Въ насъ божественнаго жара.
Если жъ смолкнешь ты—замѣнятъ
Сердцемъ пусть тебя звѣринымъ,
Но не жалкимъ обезьяньимъ,
А могучимъ, гордымъ, львинымъ!

*) Послѣдняго рефрена нѣтъ въ Штраусовской опереткѣ. Очевидно, онъ оригинальный.

Скорѣи накачайте золота до двухъ миллиардовъ. Инстр. корреспонденты ждутъ!

По поводу беспорядковъ на Сиб. ж. д.

Туда.

Офицеры на курьерскомъ,
Запасной чуть не пѣшкомъ

Обратно.

Запасной на офицерскомъ,
Офицеръ на запасномъ.

«Война родитъ героевъ», думалъ московскій
обыватель, удирая съ Пѣрсни на Вшивую горку.

Загадка.

Полицейскій офицеръ
Да жандармы съ казаками...
Отгадайте, гдѣ теперь
Кошелекъ съ тремя рублями?

Путки.

Пожалуйте!

Январскія замѣтки.

Я, у Биржи наблюдая,
Все не могъ тогда понять,
Отчего они, стрѣляя,
Не могли пониже взять!

Путки.

ЖУРНАЛЬНЫЯ НОВОСТИ.

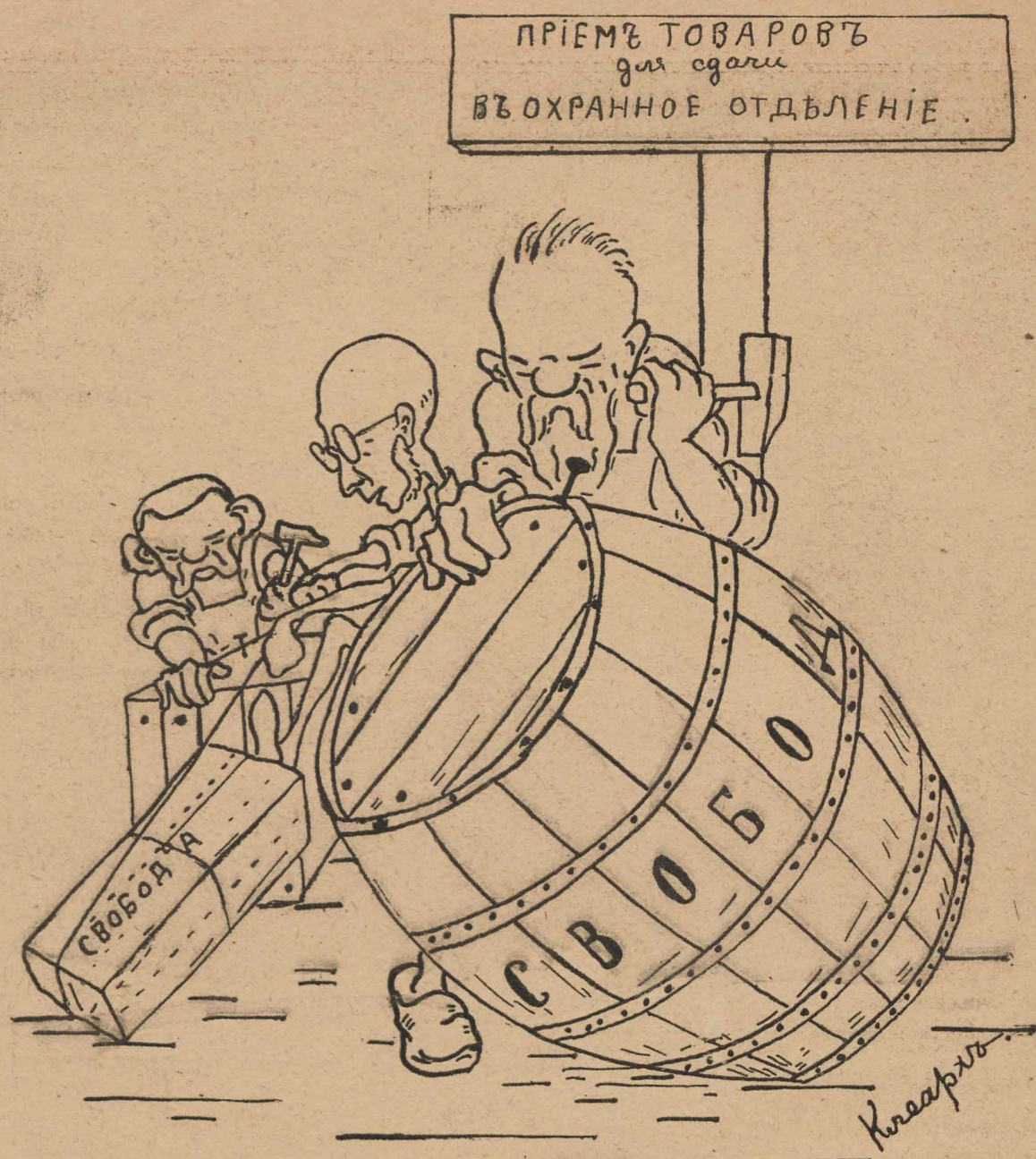
Въ цѣляхъ поддержанія патріотическаго на-
строения сотрудниковъ «Слова», ихъ угощаютъ
редакціонной «перцовкой» въ неограниченномъ
количествѣ.

* * *

И. И. Ясинскій въ ближайшемъ будущемъ при-
ступаетъ къ выпуску слѣдующихъ періодическихъ
изданій: «Назадъ», «Вправо», «Влѣво», «Золотая
середина», «Шлафрокъ», «Колпакъ», «Умѣрен-
ность и аккуратность», «Дурацкая бесѣда». Закуп-
лены всѣ дешевые сорта бумаги финляндскихъ
фабрикъ.

ПРО СТАРЫЙ ДОМЪ.

Былъ домъ. Старый, престарый. И въ немъ въ два жилья жила. Въ верхнемъ господа роскошествовали. Въ нижнемъ люди существовали.

Верхнее жилье свѣтлое было. И солнышко видно и въ стороны глядѣть вольготно. Только господа вверх да вдалъ глядѣть не любили, все въ землю потупясь ходили—исконные порядки въ людской блюли.

А нижнее жилье темное было. Стѣны толстыя претолстыя и глухія. На людей-то свѣтъ отъ господъ шель. И низы на верхи работали: отъ нихъ, дескать, свѣтъ идетъ.

А одинъ сверху господинъ хитрый былъ. Возьми, да на большему и присовѣтуй: засти, говоритъ, имъ свѣтъ, чтобъ человекъ отъ свѣту не заболовалъ. Да вѣдь ему, коли ежели сиволапому, да большой свѣтъ, да онъ лютѣй чумы станеть! Первое душу погубить, второе казнѣ урокъ, а нашему барскому дѣлу отъ него вѣрная крышка. А про его обиходъ свѣту, сколько нужно, начальство въ подвалъ за казенной печатью отпустить распорядится. А на печати написано: мы.

Набольшій въ тѣ поры его наградилъ и надъ этимъ дѣломъ приставилъ. Учинили кругомъ заставы: какой шалый лучикъ прорвется,—разомъ цопъ его, да въ кандалы, да въ тюрьму, да къ камчадаламъ. И подѣломъ: не смутьяны!

А только свѣту не уберегли. Свѣтъ ли ошалѣлъ, люди ли истомились, а только въ нижнемъ жильѣ стали проявляться окомъ зоркіе, сердцемъ вѣщіе. Даромъ, что сквозь казенныя печати, а подмѣтили, что свѣтъ къ нимъ мимо господъ идетъ. И верхи тутъ не причемъ: развѣ лишь то, что его мутили, да таили. Подмѣтили, и другимъ рассказали. Снекнули въ нижнемъ жильѣ, что и милость то Божью сверху пачкали ложью. И обидно стало: почто людей въ потемкахъ держали? Сколько дней спросонокъ мы потеряли?

Снекнувши, толкнулись въ стѣнки и вонъ повышли: надъ ними солнышко красное, за ними земля-матушка, а кругомъ воля безъ краю.

А свади рухнулъ старый домъ. На верхушкѣ мусорной кучи лопухъ растеть, а на немъ улитка рожки выставила...

Дядько.

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ,
Обнявъ, его держитъ и грѣеть старикъ.

— Дитя! что ты робко прильнулъ такъ ко мнѣ?
— Я кукишъ замѣтилъ большой въ сторонѣ,
Обмазанъ онъ масломъ, на видъ не простой!

— О нѣтъ! То свобода взошла надъ страной.
Родимый, мнѣ страшно! Я вижу людей,
Собралися вмѣстѣ... Смотри: у дверей

Какъ будто казаки! Родимый! Тамъ бьютъ!

— О, нѣтъ! То свободу собраній дають.

— Родимый! мнѣ страшно! вонъ тамъ все поютъ,
И въ воду младенцевъ насильно суютъ!

Идутъ хороводомъ купели вокругъ...

— Свободу ты совѣсти видишь, мой другъ!

Родимый, мнѣ страшно! вонъ тамъ за кустомъ

Я вижу какъ будто-бы арестный домъ...

Тамъ воры, должно быть, сидятъ много лѣтъ...

— О, нѣтъ! То редакторы вольныхъ газетъ.

— Родимый мнѣ страшно! вонъ чья-то рука

Все шаритъ въ карманѣ вокругъ кошелька;

За горло схватила, и больно мнѣ такъ...

— О, нѣтъ! милый сынъ, то патрульный казакъ.

Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ—летитъ,
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ.

Ѣздокъ погоняетъ, Ѣздокъ доскакалъ—

Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

P-2-3176

Привѣтъ тебѣ, рабочій людъ!
Подъ гнѣтомъ ты стоналъ отъ вѣка,
Но не убилъ тяжелый трудъ
Въ тебѣ живого челоуѣка.
Пускай насильника оплотъ,
Свою преслѣдуя поживу,
Въ тебѣ рабочій видѣлъ скотъ,
Не могъ отнять онъ «душу живу»,
Въ умѣньи братьевъ натравлять
Онъ проявилъ свою отвагу,
Но ты умѣешь умирать

И не уступишь имъ и шагу.
Ты создалъ все своимъ горбомъ,
Ты былъ у горна и у тачки;
И не тебѣ быть ихъ работою
Иль получать отъ нихъ подачки.
Чтобъ оживить свой мертвый трудъ,
Ты въ жизни хочешь взять участие..
Привѣтъ тебѣ, рабочій людъ,
Ты право выстрадалъ на счастье.

Амма.

Издатель **В. М. Вышомирскій.**

Редакторъ **Б. К. Грюнбергъ-Вальгисъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ

на журналъ политической сатиры

„ПАЯЦЪ“.

Выходитъ еженедѣльно отъ 8—12 стр., въ краскахъ.

на 12 мѣс. съ пер.—4 руб., 6 мѣс.—2 руб. 50 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ конторѣ редакціи, Англійскій просп., д. 40, кв. 7.

Въ книжномъ магазинѣ газеты «Наша Жизнь», Невскій пр., 19.

» » «Русской Газеты», Невскій пр., 52.

» » «Трудъ», Невскій пр., 60.

Отдѣльные №№ у газетчиковъ и въ кіоскахъ.

Самарѣ—у П. С. Фортунатова.

Сувалки—у С. Я. Левиновскаго.

Минскѣ—у М. О. Герасимовой, Михайловск. ул., д. Трукшина.

Ковно—И. А. Левина, Николаевск. пр.

Харбинѣ—кіоскъ возлѣ Русско-Китайскаго Банка.

Кіевѣ—отд. у пом. пр. пов. М. Г. Вилинскаго, Фундуклеевская 14

Въ МОСКВѣ: въ книжномъ складѣ Ефимова, Б. Димитровка, д. Бахрушина.

Цѣна отдѣльнаго № 10 коп.

ПО ДѢЛАМЪ РЕДАКЦИИ ПРИНИМАЮТЪ:

Секретарь ежедневно отъ 11—1 час. дня, редакторъ или издатель понедельник, четвергъ отъ 7—8 час. веч., вторникъ, среда, пятница отъ 6—7 час. веч., по субботамъ отъ 11—12 час. дня. Телефонъ № 237—99

Издатель **В. М. Вышомирскій.**

Редакторъ **Б. К. Грюнбергъ-Вальгисъ.**